

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЗРИТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРИРОДНЫХ ЛАНДШАФТОВ В РОССИИ И ЯПОНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

© 2013 г. Е.Г. Петрова*, Ю.В. Миронов**

**Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова*

***Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского*

Поступила в редакцию 19.05.2011 г.

Выявлены как некоторые общие особенности эмоционально-зрительного восприятия ландшафтов, так и основные черты различия между представителями российской и японской культур, а также между разными группами российских респондентов. При группировании ландшафтов важнейшим признаком является наличие/отсутствие воды и тип водного бассейна. Для россиян также важным оказался рельеф, а для японцев – визуальные и сезонные характеристики. Российские и японские респонденты в целом сходятся в оценке привлекательности разных типов ландшафтов, но по-разному оценивают степень их экзотичности. Все группы японских респондентов практически едины в своей оценке привлекательности и экзотичности ландшафтов, в то время как между группами российских респондентов из разных регионов существуют определенные различия. Образы, сложившиеся в обеих культурах, не вполне адекватно отражают разнообразие природы России и Японии.

Введение. Урбанизация, возрастание промышленной, сельскохозяйственной, транспортной, рекреационной и других видов антропогенной нагрузки на природную среду ставят под угрозу дальнейшее существование природных экосистем на всех уровнях – от локального до глобального. В связи с этим чрезвычайно актуальность приобретает задача выявления природных ландшафтов, нуждающихся в особой охране и рациональном использовании. При выборе таких объектов сохранения, помимо объективной оценки их природных качеств, значимости и полезности, немаловажную роль играет субъективное эмоциональное восприятие эстетической их ценности и красоты. Живописность и высокие эстетические достоинства ландшафтов являются, например, одним из основных международных требований, предъявляемых к территориям при выборе места для создания национальных парков. Принимается во внимание наличие значительного количества природных феноменов с уникальными визуальными характеристиками, высокое пейзажное разнообразие и исключительные эстетические качества местности в целом. Между тем представители различных культур обладают неодинаковыми критериями эстетической оценки и по-разному воспринимают одни и те же природные объекты. Важно учитывать эти различия, осо-

бенно при решении вопросов в области охраны природы и рационального природопользования на глобальном или межгосударственном уровне.

Нами был проведен сравнительный анализ восприятия природных ландшафтов жителями таких территориально близких и имеющих общие границы, но вместе с тем очень разных по своим историческим, экономическим, социальным и культурным условиям и длительное время изолированных друг от друга стран, как Россия и Япония.

Постановка проблемы. Хотя эстетическое восприятие мира было присуще людям с самых древних времен, и о красоте как свойстве самой природы писали еще философы античности, естественные науки и прежде всего география стали обращаться к вопросам эстетической оценки и восприятия ландшафта, связи эстетических свойств ландшафтов с их природными особенностями только в относительно недавнее время. За последние десятилетия как в отечественной литературе [3, 4, 8–11 и др.], так и за рубежом [12–15, 17–18, 20, 23–25 и др.] стало появляться все больше работ, посвященных этой проблематике. Между тем единая концепция эстетического восприятия ландшафтов пока еще не сформировалась, нет и общепризнанной методики исследований. Расходятся мнения ученых также относительно того, какие факторы в большей степени определяют особенности отношения людей к природе и их ландшафтные предпочтения.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Японского общества продвижения науки (проект № 08-05-91204).

Некоторые исследователи полагают, что люди вне зависимости от их национальной и этнической принадлежности предпочитают природные или близкие к природным ландшафты антропогенным или измененным человеком [12]. Такой вывод интерпретировался ими в пользу эволюционной теории ландшафтных предпочтений [17]. По мнению ряда авторов, сходство в эстетической оценке ландшафтов намного превосходит культурные и этнические различия [25]. В то же время во многих работах констатируется, что наряду с общечеловеческими законами эстетического восприятия существуют и различия в отношении людей к природе, обусловленные их национальными, социальными, демографическими или индивидуальными особенностями [10, 13, 18, 23, 24, 26]. Среди факторов, определяющих восприятие природных ландшафтов, разные авторы рассматривали принадлежность респондентов к той или иной национальной или этнической группе, социальные, гендерные и возрастные различия. Было показано, что ландшафтные предпочтения могут меняться не только в различных демографических группах, но даже в процессе взросления одного и того же человека. Кроме того, существенную роль играют уровень образования, профессиональная деятельность и занятия человека вне профессиональной сферы, его жизненный опыт, в том числе и опыт путешествий, и т.д. Значительное влияние может оказать природное окружение, в котором человек родился и вырос или где он прожил большую часть своей жизни. Таким образом, эстетическое восприятие можно считать сложным процессом, в котором сочетаются сенсорные способности как врожденные, интуитивные, так и приобретенные личностью в ходе воспитания, образования, социального развития [4, с. 63].

Выявление и учет особенностей восприятия одних и тех же природных объектов носителями разных культур крайне важны не только с теоретической точки зрения, но и для достижения понимания между ними в процессе решения многих практических задач. Есть еще один важный аспект: “взгляд со стороны” представителя другой культуры подчас позволяет увидеть и оценить новые эстетические компоненты хорошо знакомых объектов.

Одним из примеров такого проникновения культур может служить то воздействие, которое оказала во второй половине XIX в. русская литература на эстетическое восприятие японцами привычных для них ландшафтов [5, 21]. Япония была долгое время закрыта для иностранцев, и только после открытия страны в период Реставрации Мэйдзи (после 1868 г.) в нее стала проникать западная культура, в том числе и российская.

В этот период на японский язык были переведены некоторые произведения русских писателей. Поэтические описания русской природы в романах И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого помогли японцам по-новому взглянуть и на природу своей страны. Так, под впечатлением от описания русского леса И.С. Тургеневым в его “Записках охотника” японский писатель Doppo Куникида впервые сумел понять и воспеть в своем романе “Musashino” (“Равнина Мусаши”) красоту дубового леса недалеко от Токио [19]. По словам Д. Куникиды, японцы (включая и его самого) до этого не знали красоты лиственных деревьев, к которым у них преобладало чисто утилитарное отношение. Лесной массив Мусаши использовался главным образом для заготовки дров, и роман Куникиды во многом способствовал сохранению его от вырубки. Под влиянием Тургенева и Толстого японцы стали также больше использовать лиственные деревья и в своих садах, в которых до этого преобладали хвойные породы [21].

В свою очередь, традиционное для японской культуры восприятие природы, особое к ней отношение и почитание, безусловно, является полезным опытом для нас. Изучение такого опыта и преломление его для целей охраны и рационального использования природных ландшафтов, выявление новых эстетических компонентов путем сопоставления восприятия ландшафтов жителями разных стран и регионов представляется важной задачей географии. Наше исследование направлено на то, чтобы помочь решению этой задачи. В результате его проведения мы хотели ответить на следующие вопросы: какие природные пейзажи респонденты считают наиболее и наименее привлекательными для себя в эстетическом отношении; как они интерпретируют оцениваемые пейзажи, какие пейзажные компоненты оказываются для них при этом более важными; какие ландшафтные образы воспринимаются респондентами как знакомые, обычные, а какие – как экзотичные, и какое влияние фактор обычности – экзотичности может оказать на привлекательность ландшафта. Мы также попытались выяснить, какие образы возникают у респондентов, когда они представляют в своем воображении наиболее типичные, по их мнению, ландшафты России, с одной стороны, и Японии – с другой. Для решения поставленных задач была использована новая оригинальная методика, разработанная вместе с нашими японскими коллегами [22]; ее суть изложена в следующем разделе.

Методика исследований. Важным начальным этапом исследования стал выбор способа визуализации ландшафтов для последующей их оценки респондентами. Из всех возможных способов

визуализации было выбрано представление образов природных ландшафтов (пейзажей) в виде цветных фотографических изображений, выполненных по единой методике и распечатанных на фотобумаге одинакового формата. Для этого сначала была создана электронная база фотоизображений ландшафтов различных типов, наиболее характерных для каждой из исследованных стран. Все собранные в ней фотографии представляют собой документальные изображения ландшафтов (без использования специальных художественных приемов), выполненные с помощью широкоугольных объективов (фокусное расстояние 28–35 мм в эквиваленте 35-мм камеры), угол обзора которых соответствует углу обзора человеческого глаза. Общий объем коллекции составил более 800 фотоизображений, снятых в различных регионах России и Японии, в разных климатических и ландшафтных зонах. По возможности в базу фотоизображений включались фотографии, сделанные в разные сезоны года и при различных погодных условиях.

В дальнейшем для проведения опросов было отобрано 70 изображений, в равных количествах представляющих российские и японские пейзажи по семи категориям: лесные ландшафты, ландшафты безлесных равнин (включающие тундровые, болотные и степные ландшафты), горные ландшафты, речные долины, водопады, озерные ландшафты и морские побережья. Объем выборки был ограничен реальной продолжительностью сеанса работы с респондентами в условиях университетских центров (одна академическая пара, т.е. не более 1.5 часов). Выбор категорий, которые в совокупности дают общее представление о разнообразии природных ландшафтов обеих стран, был определен с учетом мнения шести российских и шести японских привлеченных экспертов-специалистов, а выбор конкретных фотоизображений по каждой категории был осуществлен на основе мягкого рейтингового голосования тех же экспертов.

Во время опросов каждому из респондентов предоставлялись одинаковые комплекты из 70 фотографий размером 13×18 см. При этом все фотоизображения были перемешаны и пронумерованы случайным образом (но одинаково в каждом из комплектов) без указания категории, объекта или района съемки, что максимально исключало влияние этих характеристик на мнение респондентов.

Опросы респондентов были проведены в Москве, Иркутске, Петропавловске-Камчатском и ряде университетских центров Японии – в Саппоро (остров Хоккайдо), Чибэ (Токийская агломерация) и Миядзаки (остров Кюсю). При выборе этих центров мы руководствовались одинаковыми

принципами: опросы проводились в столичных регионах каждой из стран, а также в двух других, наиболее отдаленных и различающихся по своим природным условиям регионам. При этом выбирались сходные по своему социальному и демографическому составу группы респондентов: опрашивались студенты различных курсов обучения, молодые преподаватели и научные сотрудники преимущественно естественнонаучного, а также гуманитарного и технического профиля образования в возрасте от 17 до 30 лет. Юноши и девушки были представлены среди опрошенных респондентов примерно в равных количествах. Общий объем выборки составил 248 чел. (в каждом регионе было опрошено от 39 до 50 чел.), что считается достаточным для проведения опросов в однородных по составу группах [2].

Каждому респонденту в ходе опроса предлагалось:

- 1) назвать по три слова-ассоциации, характеризующих, по мнению респондента, природные ландшафты России и Японии соответственно;
- 2) сгруппировать все предложенные фотографии по сходству изображенных на них ландшафтов и дать названия каждой группе;
- 3) оценить каждый пейзаж по степени привлекательности и экзотичности.

Для оценки степени привлекательности была выбрана наиболее знакомая и понятная респондентам “школьная” 5-балльная шкала, в которой “5” означает высшую степень привлекательности, а “1” – крайнюю непривлекательность, с эстетической точки зрения. Для оценки степени экзотичности мы ограничились 3-балльной шкалой, по которой экзотичные для респондента пейзажи оценивались значением “+1”, а обычные – “-1”. В том случае, если респондент затруднялся с ответом и не мог отнести оцениваемый пейзаж ни к той, ни к другой категории, предлагалось выбрать среднее значение – “0”.

Полученные в ходе опросов данные были обработаны методами элементарной и многомерной статистики. Степень сходства/различий в оценке привлекательности и экзотичности ландшафтов между российскими и японскими респондентами, а также между их отдельными группами устанавливалась на основе сравнительного анализа средних (по каждой выборке респондентов) значений баллов, “выставленных” респондентами каждому из фотоизображений, и коэффициентов корреляции между ними.

Обобщение и анализ результатов группирования фотоизображений по сходству ландшафтов базировались на статистически обоснованном выделении неких усредненных групп ландшафтов, учитывающих мнение большей части респондентов.

Таблица. Соотношение категорий ландшафтов, использованных для формирования фотобанка данных, и групп ландшафтов, выявленных по результатам опроса респондентов

Группы ландшафтов (по результатам опроса респондентов)		Категории ландшафтов (в исходной выборке)						
		Леса	Водопады	Реки	Безлесные равнины	Озера	Морские побережья	Горы
Безводные ландшафты	Леса	10			1			
	Безводные равнины				4			
	Безводные горы				1			7
Ландшафты, связанные с речными системами	Водопады		10					
	Заболоченные равнины			1	4			
	Реки			8				
Ландшафты крупных водоемов	Побережья					2	10	
	Озера					9		3

Примечание: числа обозначают количество фотографий, принадлежащих данной категории и группе ландшафтов.

тов. С этой целью были подсчитаны частоты совместной встречаемости каждого фотоизображения с каждым из остальных 69 фотоизображений в одних и тех же группах, выделенных каждым из респондентов. Затем матрицы частот совместной встречаемости изображений, составленные как для всех респондентов в целом, так и для отдельных групп респондентов, обрабатывались с помощью R-модификации факторного анализа из пакета программ Gold-Geochemist 2.0 [16]. Данный способ обработки основан на агломеративных иерархических процедурах [1], в ходе которых фотоизображения с наиболее высокой корреляцией частот совместной встречаемости в многомерном (в данном случае 70-мерном) пространстве признаков сначала объединяются в “малые” группы, которые затем последовательно составляют все более крупные (с меньшей степенью корреляции) группы. При этом важно отметить, что количество шагов агломерации и групп априори не задается, а получается автоматически в ходе выполнения соответствующего алгоритма. Таким образом, тот исходный набор типов ландшафтов, который мы использовали при составлении “достаточно разнобразной” выборки, по крайней мере, в явном виде не мог оказать влияние на “коллективное” мнение респондентов.

Основные результаты. На основе статистической обработки данных опроса выявлены как некоторые общие особенности эмоционально-зрительного восприятия ландшафтов, так и основные черты различия между представителями российской и японской культур, а также между разными группами респондентов. Основные результаты этого анализа сводятся к следующему.

Группирование ландшафтов. Методом пошаговой агломерации данных были получены и

сопоставлены между собой: 1) общая иерархическая систематика ландшафтов, основанная на совместном анализе данных опроса российских и японских респондентов; 2) аналогичные частные систематики по данным опроса отдельных групп респондентов. Оказалось, что во всех случаях на определенном шаге агломерации выявленные группы ландшафтов в целом соответствуют набору тех же категорий, который мы использовали при составлении выборки: леса, горы, реки, водопады, озера и морские побережья (таблица). Исключение составили фотографии, которые в исходной выборке характеризовали категорию “безлесные равнины”. Часть этих изображений, на которых в явном виде присутствовала водная поверхность, респонденты интерпретировали как “заболоченные равнины” или “равнинные реки”. Другая часть фотографий, где вода либо была скрыта под низкорослой растительностью (тундры и болота), либо отсутствовала совсем (степи), образовала отдельную группу “безводных равнин”. Набор групп, выявленных на подобном (основном) шаге “общей” систематики, в дальнейшем мы использовали в качестве легенды при построении соответствующих графиков.

На более позднем шаге агломерации данных “общей” выборки изображения лесов, безводных равнин и гор (без водоемов) образовали большую группу (надгруппу) безводных ландшафтов; фотографии заболоченных равнин, рек и водопадов – надгруппу ландшафтов, связанных с речными системами, а озера и морские побережья – ландшафтов крупных водоемов. Таким образом, в отличие от естественнонаучных классификаций ландшафтов, для которых ведущими признаками являются их генетическое единство и однородность по зональным и а зональным условиям, при

эмоционально-зрительном восприятии ландшафтов ведущую роль играет наличие или отсутствие водоемов, а также их тип.

Наряду с этим в группировании ландшафтов между российскими и японскими респондентами проявились определенные различия. Так, для российских респондентов (особенно москвичей) оказалось более важным подразделение некоторых групп ландшафтов на горные и равнинные. Этот полученный нами результат очень хорошо перекликается с мыслью, высказанной еще В.П. Семеновым-Тянь-Шанским о том, что отсутствие на просторах русских равнин того контраста высот, который есть в горах, взрастило у русского человека трепетное отношение к самим этим вертикалям. По его словам, “идеалом русского земледельца была земля плоская, как кленовый лист, но самые святые для него места приютились у небольших круч” (цитируется по [3, с. 25]).

Именно рельеф имел, например, решающее значение при группировании российскими респондентами озер. В отличие от японских респондентов, они вообще не выделили озера в самостоятельную группу: равнинные озера были ими объединены в одну группу с равнинными реками (часть озер отнесена к морским побережьям), а горные озера – собственно с “горами”. При этом на уровне подгрупп российские респонденты не только отделили горные озера от “гор без водоемов”, но и, в отличие от японских респондентов, отчетливо уловили различия между ландшафтами гор складчатого и вулканического происхождения. В свою очередь, для японских респондентов при группировании озер более существенное значение имела такая характеристика, как размер видимой на фотографии водной поверхности. Они не только обособили озера в отдельную группу, но и разбили ее на подгруппы, главным образом, по этому визуальному показателю (рис. 1). Вместе с тем японские респонденты (в отличие от российских) не только не отделили вулканические озера от озер в складчатых горах, но также при группировании горных ландшафтов объединили и сами вулканы в одну общую группу со складчатыми горами, не выделив в ней подгруппы. Вероятно, это связано с тем, что практически все горные хребты Японии имеют вулканическое происхождение, в то время как на территории России складчатые горы и активные вулканы, как правило, пространственно разобщены.

Другой яркий пример – лесные ландшафты. При их группировании на ранних шагах агломерации данных проявилось различие не только между российскими и японскими респондентами, но также и между разными группами российских респондентов. Так, москвичи четко подраздели-

ли леса на горные и равнинные. В то же время японские респонденты в основном использовали для их классификации чисто визуальные характеристики, разделив общий отдаленный вид леса и ближний вид внутри леса (рис. 2), а иногда и сезонные признаки (выделив, например, в отдельную подгруппу изображения зимнего леса). Иркутские и камчатские респонденты оставили группу лесных ландшафтов фактически без подразделений на подгруппы. В этой связи уместно упомянуть о результатах сравнительного анализа рисунков леса, сделанных жителями Германии и Японии. Оказалось, что жители Германии преимущественно изображают лес как бы изнутри, а японцы рисуют отдаленный лес на склонах гор [24]. По устному сообщению автора этого исследования, жители России занимают промежуточное положение, при этом москвичи ближе к немцам, а иркутяне – к японцам.

Экзотичность и привлекательность природных ландшафтов. Японские респонденты, как правило, более сдержаны в своих оценках привлекательности ландшафтов (если средний балл у россиян – около 4, то у японцев – 3.5), однако между оценками российских и японских респондентов в целом имеется достаточно высокая корреляция (коэффициент корреляции $R = 0.73$) (рис. 3а). Между тем подобная корреляция в оценке экзотичности ландшафтов практически отсутствует ($R = 0.26$) (рис. 3б). При этом все группы японских респондентов оценивают привлекательность и экзотичность ландшафтов фактически одинаково (коэффициенты корреляции между их оценками очень высоки – $R = 0.90–0.96$), в то время как между разными группами российских респондентов существуют определенные различия. Так, если между жителями Камчатки и Иркутска выявлена сильная корреляция в оценке привлекательности ландшафтов ($R = 0.92$), то между москвичами и другими российскими респондентами она ниже ($R = 0.71–0.74$). Коэффициенты корреляции в оценке экзотичности ландшафтов между московскими и иркутскими, иркутскими и камчатскими, московскими и камчатскими респондентами различаются еще сильнее и составляют соответственно 0.86, 0.76 и 0.52. Вероятно, это связано с тем, что те регионы России, в которых проводились опросы, существенно различаются по всем природным, в том числе и геоморфологическим характеристикам, которые наиболее ярко проявляются на фотографиях, в то время как регионы Японии отличаются друг от друга в основном по климатическим условиям. Возможно, этим же можно объяснить и то отмеченное ранее обстоятельство, что при группировании некоторых типов ландшафтов для россиян важным оказалось

Рис. 1. Примеры фотографий озерных ландшафтов, отнесенных японскими респондентами к подгруппам со значительным (а) и малым (б) размером видимой водной поверхности.

их подразделение на горные и равнинные, а для японцев определенную роль сыграл сезон съемки.

Молодых россиян в большей степени привлекают наиболее экзотичные для них пейзажи (рис. 4а). Коэффициенты корреляции между

привлекательностью и экзотичностью для московских, иркутских и камчатских респондентов составляют соответственно 0.52, 0.79 и 0.80. Для россиян в целом самыми привлекательными (и одновременно самыми экзотичными) являются

Рис. 2. Примеры фотографий лесных ландшафтов, отнесенных японскими респондентами к подгруппам: *а* – отдаленный вид леса, *б* – ближний вид внутри леса.

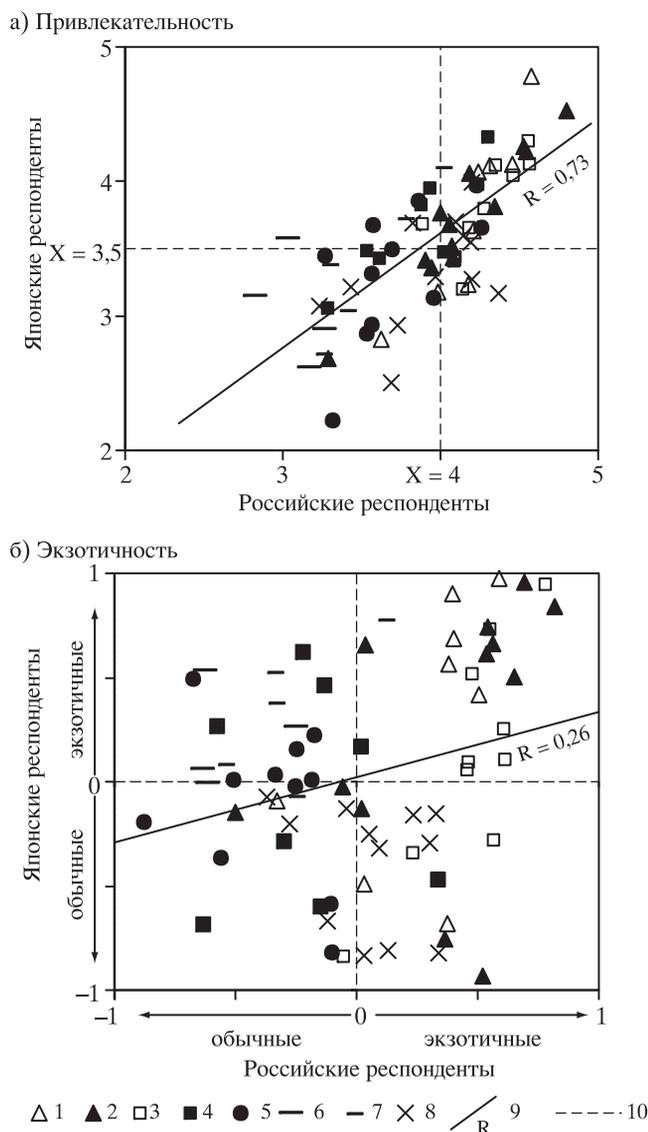

Рис. 3. Соотношение оценок российских и японских респондентов по привлекательности (а) и экзотичности (б) природных ландшафтов. 1–8 – типы ландшафтов (1 – горы, 2 – озера, 3 – водопады, 4 – реки, 5 – леса, 6 – “безводные” равнины, 7 – заболоченные равнины, 8 – морские побережья), 9 – тренды и коэффициенты корреляции, 10 – средние значения оценок.

горные озера, горы и водопады. Более низкое положение в этом ряду занимают морские побережья, затем реки и, наконец, леса и безлесные равнины. При этом озера в складчатых горах и сами складчатые горы более привлекательны, чем такие же “экзотичные” вулканы и вулканические озера, а леса более привлекательны, чем столь же “обычные” безлесные равнины. Скалистые побережья более привлекательны, чем песчаные, а горные реки более привлекательны, чем равнинные. Москвичи отличаются большей терпимостью к безлесным равнинам, а жители Иркутска и Камчатки – повышенной любовью к водопадам

и морским побережьям. Для жителей Камчатки (по сравнению с москвичами и иркутянами) более привычны вулканы, заболоченные равнины и морские побережья, а более экзотичны – водопады, горные озера и леса.

В отличие от российских респондентов, у всех групп японских респондентов общая корреляция между экзотичностью и привлекательностью ландшафтов отсутствует ($R = 0.26-0.35$) (рис. 4б). Так, например, один из самых экзотичных для Японии ландшафтов – безлесные равнины – жители этой страны расценили как крайне непривлекательный. Вместе с тем горы (прежде всего, складчатые), горные озера и водопады оказались для японцев, как и для россиян, не только самыми привлекательными, но и экзотичными. Парадоксально, что в качестве “привычного” вулкана практически всеми респондентами воспринимается только особо почитаемый в этой стране и считающийся ее символом Фудзи. Все же остальные вулканы, хотя они и составляют один из характерных элементов пейзажа Японии, были расценены ими как экзотика. Леса и реки, согласно оценкам японских респондентов, занимают промежуточное положение в этом ряду и значительно варьируют как по экзотичности, так и по привлекательности. Среди самых обычных и одновременно менее привлекательных для японцев ландшафтов преобладают морские побережья. Вероятно, это можно объяснить, с одной стороны, привычным хозяйственным значением моря в жизни японцев, поскольку оно традиционно служило одним из основных источников добывания пищи для жителей этого островного государства, а с другой стороны, постоянно исходящей от него опасностью в виде разрушительных цунами и тайфунов.

Сложившиеся образы природных ландшафтов. У всех российских респондентов природа Японии ассоциируется с такими словами, как “гора/вулкан”, “остров/море/океан/побережье”, а также “красота” и “сакура”, что близко к мнению самих японцев (горы, море, реки, четыре сезона). В то же время сложившийся в Японии образ России (“хвойный лес/тайга”, “безбрежная равнина”, “тундра”, “снег/холод”) во многом не совпадает с мнением российских респондентов, которые характеризуют его словами “лес/тайга”, “простор/равнина”, “река”, а жители Иркутска и Камчатки, кроме того, – “горы”. Следует отметить, что ни те, ни другие образы не отражают реального разнообразия природы обеих стран [7]. Вероятно, сложившиеся представления о существенных различиях природных ландшафтов России и Японии прежде всего основаны на различии между хорошо знакомыми равнинными ландшафтами центральной европейской части России и наиболее

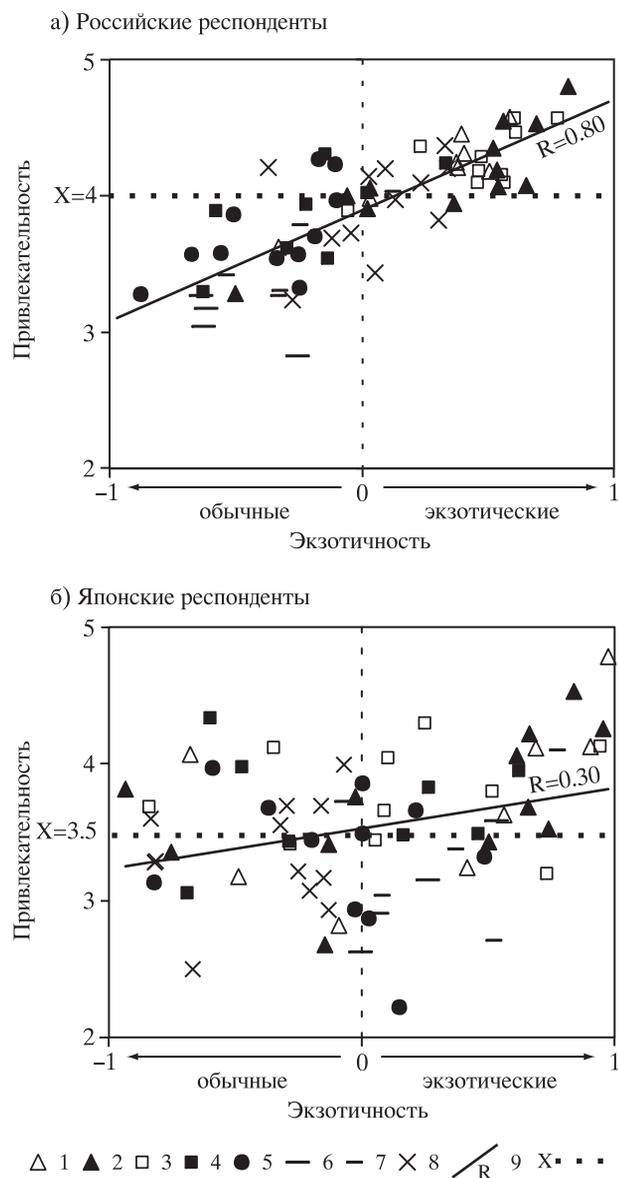

Рис. 4. Соотношение экзотичности и привлекательности ландшафтов по оценкам российских (а) и японских (б) респондентов. Условные обозначения на рис. 3.

достопримечательными объектами природы Японии, которым уделяется наибольшее внимание в литературе и средствах массовой информации. В частности, это подтверждается тем, что многие пейзажи Японии были восприняты молодыми российскими респондентами, которые никогда не были в Японии, как “обычные” российские пейзажи (рис. 5а). И наоборот, многие не равнинные пейзажи России – Хибин, Кавказ, Алтай и другие горные системы Сибири, Камчатка – оказались не менее экзотичными для них, чем “типичные” пейзажи Японии. Так же часто пейзажи России и Японии не различали и японские респонденты (рис. 5б). На этом фоне особенно парадоксально

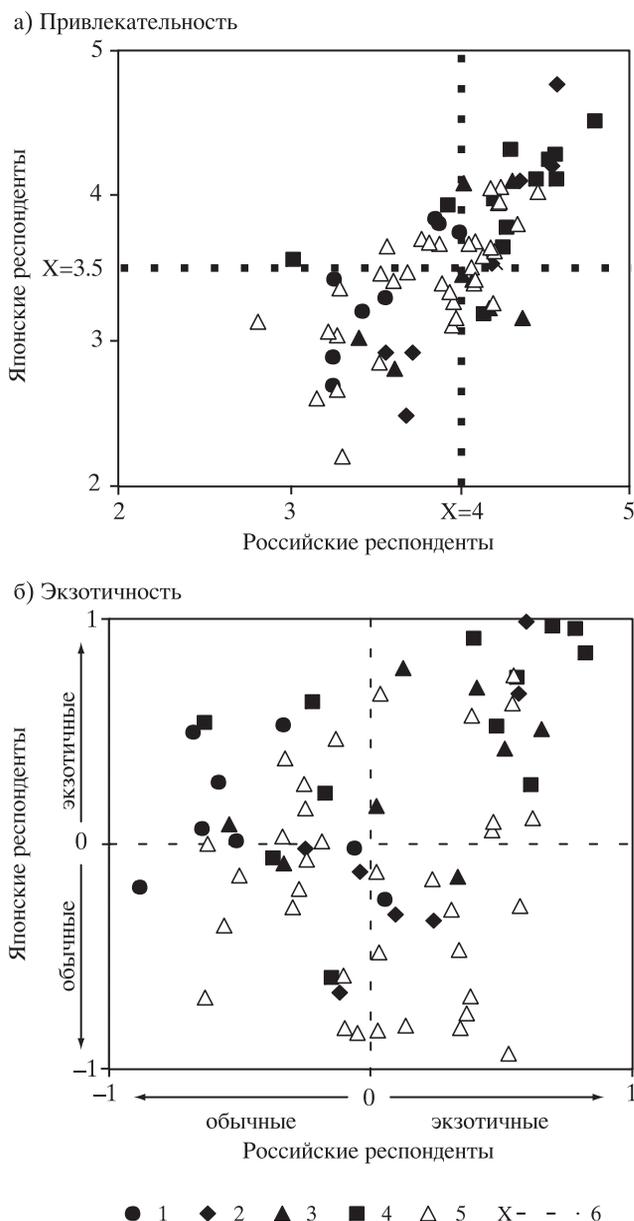

Рис. 5. Соотношение оценок российских и японских респондентов по привлекательности (а) и экзотичности (б) природных ландшафтов различных регионов: 1 – равнин Европейской России; 2 – Хибин и Кавказа; 3 – Восточной Сибири; 4 – Камчатки; 5 – Японии, 6 – средние значения оценок.

то, что горные ландшафты, которые, по мнению самих респондентов, являются характерным элементом природы как Японии, так и России, реально оценивались представителями обеих культур не только как самые привлекательные, но и как самые экзотичные (рис. 3, 4).

Заключение. В результате нашего исследования, выполненного на основе статистического анализа данных опроса респондентов, были выявлены как некоторые общие особенности эмоционально-зрительного восприятия ландшафт-

тов, так и целый ряд различий не только между представителями российской и японской культур, но и между жителями России, проживающими в разных ее регионах. Таким образом, это, с одной стороны, не отрицает существования общечеловеческих черт эстетического восприятия и в то же время подтверждает точку зрения многих исследователей о том, что в восприятии природных ландшафтов весьма значимую роль играют национально-культурные различия, а также особенности природного окружения. Конкретно, применительно к молодым представителям двух рассматриваемых культур, основные выводы из нашего исследования сводятся к следующему.

В отличие от естественнонаучных классификаций ландшафтов, при эмоционально-зрительном их группировании важнейшим признаком является наличие/отсутствие воды и тип водного бассейна. При этом для россиян не менее важным оказалось деление ландшафтов на равнинные и горные (с подразделением последних на складчатые и вулканические). Японцы большее значение придают иным визуальным характеристикам (например, таким как общий удаленный вид леса или “в самом лесу”), а также сезону съемки. Однако эти признаки в общем случае не имеют решающего значения при оценке привлекательности и экзотичности разных типов ландшафтов.

Российские и японские респонденты в целом сходятся в оценке привлекательности разных типов ландшафтов, но по-разному оценивают степень их экзотичности. При этом россиян привлекают наиболее экзотичные для них пейзажи, в то время как у японских респондентов прямой связи между привлекательностью и экзотичностью ландшафтов не просматривается. Все группы японских респондентов практически едины в своей оценке привлекательности и экзотичности ландшафтов, в то время как между группами российских респондентов из разных регионов существуют определенные различия.

Образы, сложившиеся в обеих культурах, не вполне адекватно отражают разнообразие природы России и Японии. В частности, горные ландшафты – характерные элементы природы как Японии, так и России – реально оценивались представителями обеих культур не только как самые привлекательные, но и как самые экзотичные, при этом респонденты часто не различают природные ландшафты этих двух стран.

Несмотря на отмеченные различия в восприятии ландшафтов, наиболее привлекательными как для российских, так и для японских молодых респондентов оказались фотографии, сделанные в складчатых горах России (Алтай, Хибин и

др.), а также в труднодоступном районе уникального базальтового плато Путорана. Вероятно, эти же регионы следует рассматривать и как объекты, заслуживающие внимания в отношении развития познавательного экологического туризма и соответствующих природоохранных мероприятий.

Подчеркнем, что задачей авторов статьи было либо показать отсутствие различий в восприятии ландшафтов, либо выявить эти различия и четко сформулировать, в чем они заключаются. Исторические, психологические и другие корни этих различий – это уже предмет для специалистов в области психологии и других гуманитарных наук. Поэтому наши осторожные предположения о причинах некоторых различий в восприятии ландшафтов в России и Японии следует рассматривать не более чем “рабочие гипотезы”. Мы надеемся, что результаты нашего исследования будут способствовать лучшему пониманию друг друга представителями двух стран, а также помогут им увидеть новые эстетические компоненты в образе знакомых ландшафтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Девис Д. Статистика и анализ геологических данных. М.: Мир, 1977. 568 с.
2. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов: учебник. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. 336 с.
3. Желамский А.Г. Русский пейзажный вектор (очерки родиночувствия). Издание музея пейзажного наследия “Окоём”, 2008. 212 с.
4. Николаев В.А. Ландшафтоведение. Эстетика и дизайн. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2005. 176 с.
5. Петрова Е.Г. Особенности эстетического восприятия природных ландшафтов в России и Японии (природоохранный аспект) // Экологические проблемы. Взгляд в будущее. Сборник трудов V Междун. научно-практической конференции. ЗАО “Ростиздат”. Ростов-на-Дону, 2008. С. 371–374.
6. Петрова Е.Г., Миронов Ю.В. Сравнение восприятия ландшафтов в России и Японии (по данным кросскультурного анализа) // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире. СПб.: ВВМ, 2010. С. 150–155.
7. Петрова Е.Г., Миронов Ю.В., Петрова А.А. Национальные парки Японии глазами россиян // Природа. 2008. № 11. С. 28–39.
8. Рельеф среды жизни человека (экологическая геоморфология) / Отв. ред. Лихачева Э.А., Тимофеев Д.А. М.: Медиа-ПРЕСС, 2002. 640 с.
9. Родоман Б.Б. Эстетика ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. Информационно-аналитический сборник. Вып. 3. М.: Росс. гос. биб-ка, 1995. С. 4–18.

10. Селиванов А.О. Природа, история, культура. Экологические аспекты культуры народов мира. М.: ГЕОС, 2000. 322 с.
11. Фролова М.Ю. Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 1994. № 2. С. 27–33.
12. Aoki Y. Review Article: Trends in the Study of the Psychological Evaluation of Landscape // *Landscape Res.* 1999. V. 24. № 1. P. 85–94.
13. Aoki Y. Recent Trends of English Paper on the Psychological Evaluation of Landscape // *J. Environmental Infor. Sci.* March 2007. V. 35. № 5. P. 181–188.
14. Bourassa S.C. *The Aesthetics of Landscape*. London: Belhaven Press, 1991.
15. Daniel T.C. Whither scenic beauty? Visual landscape quality assessment in the 21st century // *Landscape and Urban Planning*. 2001. V. 54. P. 267–281.
16. Gold-Geochemist 2.0. 1997 // <http://www.gambler.ru/gold/>
17. Kaltenborn B.P., Bjerke T. Associations between environmental value orientations and landscape preferences // *Landscape and Urban Planning*. 2002. V. 59. P. 1–11.
18. Kent R.L. Attributes, features and reasons for enjoyment of scenic routes: a comparison of experts, residents, and citizens // *Landscape research*. 1993. № 18 (2). P. 92–102.
19. Kunikida D. Musashino (The Musashi Plain), 1901.
20. Linton D.L. The assessment of scenery as a natural resource // *Scottish Geographical Magazine*. 1968. V. 84. P. 219–238.
21. Okajima N., Petrova E., Petrova A. The influence of Russian literature on two Japanese literary figures and the Japanese sense of scenic beauty // *Hawaii International Conference on Arts & Humanities, 8th Annual Conference, 2010 Conference Proceedings*, ISSN: 1541–5899. Honolulu, 2010. P. 3135–3150.
22. Petrova E., Aoki Y., Mironov Y. et al. Comparison of natural landscapes appreciation between Russia and Japan: methods of investigation // *Management for protection and sustainable development. Proceedings of the Fourth International Conference on Monitoring and Management of Visitor Flows in Recreational and Protected Areas*. Pisa (Italy), 2008. P. 198–202.
23. Tipton W.E.J., Savasdisara T. The influence of the socio-economic background of subjects on their landscape preference evaluation // *Landscape and Urban Planning*. 1986. № 13. P. 225–230.
24. Ueda H.A. Comparative Study on Forest Image in Japan and Germany // *J. Japan. Institute of Landscape Architecture*. 2006. V. 67(5): P. 691–694.
25. Ulrich R.S. Biophilia, biophobia, and natural landscapes. / Eds. Kellert S.R. and E.O. Wilson // *The Biophilia Hypothesis*, Washington DC: Island Press, 1993. P. 73–137.
26. Yang B.E., Kaplan R. The perception of landscape style: a cross-cultural comparison // *Landscape and Urban Planning*. 1990. V. 19. P. 251–262.

Авторы выражают свою благодарность за помощь в проведении опросов респондентов О.А. Леонтьевой, Х. Мацусиме, Я.Д. Муравьеву, Т. Накадзуме, А.С. Наумову, Н. Окадзуме, Л.Т. Роман, Н.И. Селиверстову, Ю.М. Семенову, Н. Такаеме, Х. Уеде и А.К. Черкашину.

Emotional and visual perception of natural landscapes in Russia and Japan: a comparative analysis

E.G. Petrova*, Yu.V. Mironov**

*Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University

**Vernadsky State Geological Museum, RAS

Some common features of emotional and visual perception of landscapes, and the main points of difference between the Russian and Japanese cultures, as well as between different groups of Russian respondents were revealed. While grouping landscapes the most important feature appeared to be the presence / absence of water and type of water basin. Relief is also important for the Russians, while both visual and seasonal characteristics are significant for the Japanese. Russian and Japanese respondents generally agree in assessing the attractiveness of different landscape types, but evaluate their exoticism differently. All groups of the Japanese respondents assess the attractiveness and exoticism of landscapes almost equally, whereas there are some differences in that respect between groups of Russian respondents from different regions. Images existing in both cultures don't reflect adequately the diversity of nature in Russia and Japan.